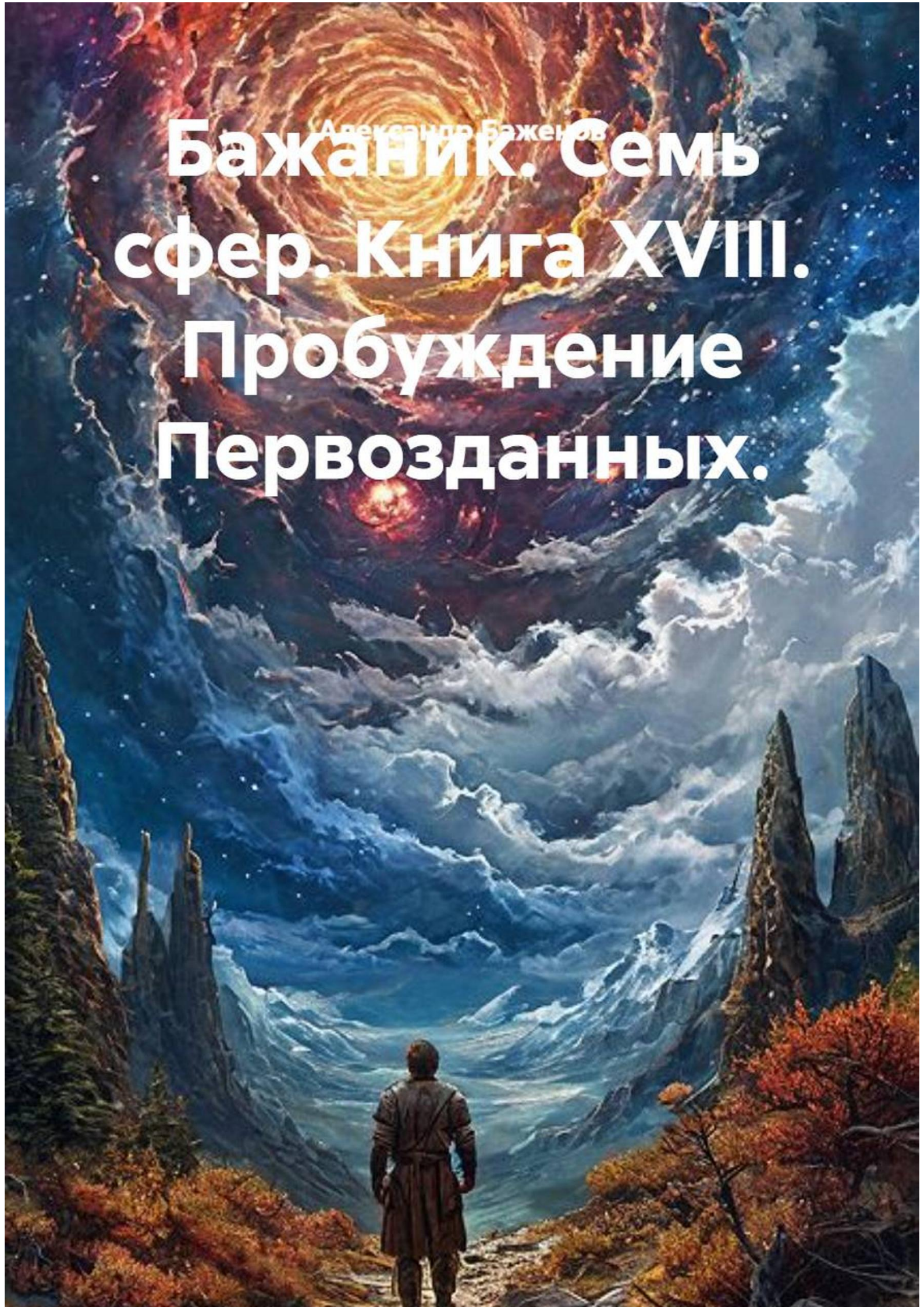

Александр Баженов
**Бажаник. Семь
сфер. Книга XVIII.
Пробуждение
Первозданных.**

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. Книга XVIII.
Пробуждение Первозданных.**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. Книга XVIII. Пробуждение Первозданных. /
А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Мир истончается: незримые Печати ветшают, и в разрывы реальности сочится первозданный Хаос — не тьма, а безмолвие, стирающее цвет, звук и саму память. Чтобы спасти мироздание, Артём и Алиса должны пробудить семерых Первозданных Защитников, чьи образы человечество запомнило в мифах, но чьи сердца угасают. Их путь пролегает от алмазных глубин Урала до гнезда Космического Симурга на краю Вселенной, и каждое испытание требует не оружия, а исцеления. Но главная встреча ждёт в финале — с тем, кого боялись все миры. И он оказывается не врагом, а забытым Дитём Творца. Артём и Алиса уже смотрели в Бездну, когда возвращали душу своей дочери Миры с Порога. Теперь им предстоит подарить свет самой пустоте — и доказать, что любовь умножается, даже когда её отдаёшь Хаосу.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Там, где кончаются карты	5
Глава 2. Змей Глубин и Алмазное Сердце (Корень)	6
Глава 3. Симфония Невысказанных Чувств (Эмоции)	7
Глава 4. Загадка Вечного Странника (Воля)	8
Глава 5. Танец Зелёного Человека (Интуиция/Сердце)	9
Глава 6. Перо Птицы Скорби и Радости (Телепатия/Голос)	10
Глава 7. Серебряный Лабиринт Единорога (Воображение)	11
Глава 8. Гнездо на Краю Вечности (Космос)	12
Глава 9. Печать и Глас Бездны	13
Глава 10. Архитектура Света	14
Глава 11. Сад Звёзд (Эпилог)	15
Предисловие автора	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Бажаник. Семь сфер. Книга XVIII. Пробуждение Первозданных.

Глава 1. Там, где кончаются карты

«Когда карта кончается, начинается легенда. Но горе тому, кто выйдет за край, не захватив с собой своего сердца».

Артёму снится сон о пустоте за кромкой мира. Над яблоневым садом разверзается Прореха, и из неё выходит Глас Безмолвия — существо, стирающее цвет, звук и память. Ученики Школы самоисцеления под руководством Анны Степановны создают живой щит из семи сфер. Совет в Шамбале открывает истину: семь Первозданных Защитников, удерживающих Печати творения, умирают, и Хаос пробуждается. Путь к спасению начинается с Корня.

Глава 2. Змей Глубин и Алмазное Сердце (Корень)

«Слушай землю не ушами — ступнями. Там, в глубине, бьётся сердце, старшее первого дождя».

Уральские горы. В пещере, где спит Офион — Первозданный Змей, Хранитель Муладхары, — Артём проходит «Схождение в Минерал» и отдаёт часть своего корня, чтобы запустить угасающее Алмазное Сердце. Алиса рисует сон Земли, пробуждая дриаду Вереску. Офион дарует «Слезу Корня» и предупреждает: впереди ещё шестеро.

Глава 3. Симфония Невысказанных Чувств (Эмоции)

«Сердолик — камень, в котором застыла первая кровь земли. Если приложить его к груди, можно услышать плач тех, кого ты не простил».

Тихий океан. В лагуне, окружённой окаменевшими слезами, томится Аквамариновая Сирена Лорелея, Хранительница Свадхистханы. Её голос отравлен непрожитыми чувствами человечества. Слепой музыкант Арон, Киннары и ученики из Ольховки сплетают «Эмоциональную Полифонию». Лорелея поёт вновь, и Сердоликовый Риф превращается в живые кораллы.

Глава 4. Загадка Вечного Странника (Воля)

«Настоящая воля не кричит. Она молчит, когда все кричат, и делает шаг, когда все замерли».

Плато Гиза. Под Сфинксом Хар-махетом, Хранителем Манипуры, лежит лабиринт из тигрового глаза, где каждый шаг рождает двойника-сомнение. Полковник Павел Андреевич находит ответ на загадку, которую не решить силой: «Воля — это не приказ, а дар». Сфинкс отдаёт «Слезу Воли» и отправляет путников к Зелёному Человеку.

Глава 5. Танец Зелёного Человека (Интуиция/Сердце)

«Если ты хочешь узнать, здорово ли твоё сердце, спроси не у врача, а у старого дуба».

Туманная Британия. Виридиан, Хранитель Анахаты, умирает, опутанный горем дриады Верески. Дед Егор привозит ольховских пчёл, чьё жужжание на частоте 528 Гц запускает Изумрудное Сердце. Алиса рисует портрет Верески, возвращая ей надежду. Виридиан дарит «Слезу Сердца» и напоминает: «Каждое срубленное дерево — это остановка моего пульса».

Глава 6. Перо Птицы Скорби и Радости (Телепатия/Голос)

«Тишина — это не отсутствие слов. Это переполненность ими до такой степени, что они становятся светом».

Гималаи. Алконост, Птица Зари и Хранительница Вишудхи, молчит, отравленная ложью и проклятиями. Чтобы исцелить её, Маара становится сном её погибшей сестры Гамаюн, а Сайленс, Хранитель Тишины, нарушает тысячелетний обет и произносит: «Надежда». Алконост поёт, и Печать Голоса восстанавливается.

Глава 7. Серебряный Лабиринт Единорога (Воображение)

«Единорог приходит не к тому, кто невинен, а к тому, кто осмеливается вообразить невозможное».

Аннуин, кельтский Иномир. Элайя, Серебряный Единорог и Хранитель Аджны, заточён в лабиринте собственных кошмаров. Алиса встречает свою идеальную тень, а Артём — иллюзию всемогущества. Они отказываются от вечности без боли, выбирая живую, несовершенную реальность. Единорог освобождается и дарит сапфировый лепесток — «Слезу Воображения».

Глава 8. Гнездо на Краю Вечности (Космос)

«Не бойся бесконечности — бойся не оставить в ней следа».

Край Вселенной. Анка, Космический Симвург и Хранительница Сахасары, сражается с Хаосом, истекая аметистовым светом. Септимус растягивает мгновение в вечность. Семь Архонтов Веры и все союзники проводят «Космическую Литургию», даруя Симвургу отдых. Анка пробуждается и вручает последний дар — «Слезу Космоса».

Глава 9. Печать и Глас Бездны

«Когда тьма кажется всесильной, вспомни: свеча зажигается не для того, чтобы осветить весь мир, а чтобы напомнить, что свет всё ещё возможен».

Ольховка. Семь Защитников, духи стихий и ученики собираются в саду для Танца Семи Стихий. Создаётся новая Печать — не стена, а мембрана. Хаос атакует армией Гласов Безмолвия. В разгар битвы Артём видит в сердце Архистратига Гласов искру забытой души и исцеляет её. Печать замыкается, но война ещё не окончена: Артём и Алиса решают идти в самую Бездну.

Глава 10. Архитектура Света

«Бог создал мир из ничего. Но «ничто» — это не пустота, а невысказанная любовь. И когда любовь была высказана — родился свет. Но прежде света родилась Тишина, которая ждала, чтобы её назвали по имени».

Артём и Алиса, заручившись поддержкой семи Защитников и получив от дочери её рисунок — чёрный круг с белой точкой внутри, — входят в Бездну. Они проходят через слои забытых форм, звуков, чувств и достигают Покоев Тишины. Там они встречаются Дитя-Хаос — первозданную пустоту, отвергнутую при творении. Артём рассказывает ему историю Виктора Шорохова — человека, который тоже считал себя ошибкой, но был исцелён любовью. Алиса рисует «Колыбельную для Бездны», используя вместо красок чистые эмоции. Хаос принимает дар и становится Обсидианом Покоя — Восьмым Элементом, пространством, в котором возможна жизнь. Возвращение через складку реальности; первая встреча Обсидиана и Миры — девочки, которая помнит его по Порогу.

Глава 11. Сад Звёзд (Эпилог)

«Мы — это не только те, кто мы есть. Мы — это сад, который мы вырастили. Звёзды, которые зажгли. Дочь, которую вернули. И тишина, которую научились слушать».

Прошёл год. Сад в Ольховке стал Хронотопом Исцеления. Мира, вернувшаяся с Порога, рисует картины, на которых тьма всегда соседствует со светом. Ученики Школы собираются на годовщину Печати; среди гостей — Виктор Шорохов, бывший хирург-убийца, а ныне санитар в хосписе Михаила. Он дарит Артёму и Алисе свою первую картину — зимний сад с тремя фигурами. Алиса и Мира показывают «Сад Звёзд» — астральную фотографию, на которой каждый ученик стал созвездием, а Шорохов — обсидиановой звездой среди равных. Картина оживает. Вечером на крыльце Артём, Алиса и Мира говорят о пройденном пути. На последней странице бабушкиной книги проступают новые строки. Над дубом загорается девятнадцатое кольцо — янтарное, цвета Мириных глаз.

Предисловие автора

Дорогой читатель!

Вот и восемнадцатая книга. Когда я писал первую, то ещё не знал, доживёт ли Артём до пробуждения всех семи сфер. Теперь он стоит на пороге того, о чём не рассказывали ни бабушкины книги, ни легенды Шамбалы — на пороге встречи с самим Первозданным Хаосом. И, как всегда, он не один.

Эта книга — о корнях. О тех Первых, что держали мир задолго до нас и устали. О земле, которая помнит каждую слезу. О голосах, что застревают в горле. О воображении, способном создавать реальность. И о пустоте, которая на самом деле — не враг, а забытое дитя Творца, ждущее, чтобы его назвали по имени.

Вы не найдёте здесь лёгких побед. Артёму и Алисе придётся пройти через семь сакральных центров — от Уральских гор до края Вселенной, — разбудить семерых Первозданных Защитников и лицом к лицу встретиться с тем, что древнее самого Света. Но вы найдёте здесь то, что было в каждой книге серии: магию, которая оказывается наукой, ещё не открытой приборами; эзотерику, которая лечит реальные болезни; учеников, чьи простые судьбы значат не меньше, чем битвы богов; и любовь, которая умножается, когда ею делятся.

В этой книге впервые появляется «Дневник Алисы» — её личные записи, сделанные на полях событий. Они — как тонкая серебряная нить, связывающая грандиозное с повседневным. Потому что именно из повседневности — чашки чая, скрипа крыльца, запаха яблок — и состоит тот свет, который в итоге оказывается сильнее Бездны.

Я писал эту книгу для всех, кто когда-либо чувствовал себя потерянным. Для тех, кто боится своей внутренней тьмы. Для тех, кто устал сражаться и хочет наконец обрести покой. Знайте: тьма — это не враг. Это пространство, ожидающее света. И если вы дадите ей немного любви, она может стать вашим самым верным союзником.

Спасибо, что вы со мной уже восемнадцать книг. Мы прошли долгий путь. И теперь, когда все семь сфер пробуждены, а Восьмой элемент обрёл имя, я хочу сказать вам то, что когда-то сказала своему внуку Мария Васильевна Бажаник:

— Живите. Любите. Светите. И пусть ваш внутренний сад цветёт.

Артём Бажаник (автор)

Ольховка, год после Печати

Глава 1. Там, где кончаются карты

«Когда карта кончается, начинается легенда. Но горе тому, кто выйдет за край, не захватив с собой своего сердца. Ибо край этот — не линия на бумаге, а предел, за которым сердце должно стать компасом».

Из наставлений Ригдена Джапо, записанных Марией Бажаник на полях старинного атласа

Из дневника Алисы

Сегодня утром я увидела, как с яблони упал лист, не долетев до земли. Он превратился в пепел прямо в воздухе — серый, невесомый, без запаха. Я подставила ладонь, но поймала лишь холод. Такой холод, будто кто-то вынул из мира одну ноту. Музыка стала беднее. Артём говорит, это «Прореха». А мне кажется, это трещина в нашем «вместе». Но я знаю: мы справимся. Потому что мы — это не только мы. Мы — это сад, и ученики, и все, кого мы любим. И если мир истончается, мы станем для него заплаткой из света.

Сон пришёл без предупреждения, как приходит осень в неурочный час — не календарная, а та, что крадётся изнутри костей. Артём стоял на краю карты. Не метафорической —

самой настоящей: под ногами шуршала желтоватая бумага с прожилками старинных параллелей и меридианов, а впереди, за последней линией долготы, начиналось ничто. Белое, плотное, как сливки, безмолвие. Оно не наступало, не дышало — просто было, и в этом «было» заключался такой ужас, что сердце замирало не от страха, а от невозможности понять: где кончается мир и начинается эта белизна, или мир уже давно кончился, а он, Артём, остался последней точкой на никому не нужной карте.

Он обернулся — и увидел сад. Дуб, яблони, крыльцо, старое кресло-качалку, в котором любила сидеть бабушка. Всё было на месте, но краски выцветали, как на старой акварели, забытой под солнцем. Лист, оторвавшись от ветки, падал медленно, слишком медленно, будто время начало густеть, и на полпути становился пеплом. Артём протянул руку — пепел коснулся пальцев и рассыпался в холодную пыль, от которой занемели фаланги.

Он проснулся оттого, что Алиса гладила его по лбу, и её ладонь пахла лавандой и льняным маслом — запахом мастерской, где всю ночь горел свет. За окном занимался рассвет, но какой-то неживой: солнце всходило оранжевое, яростное, однако тени от яблонь лежали не чёрные, а серые, словно припорошённые пеплом из сна.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросила Алиса, не убирая руки.

Вместо ответа Артём прижал её ладонь к своей груди, к тому месту, где под кожей, мышцами и рёбрами пульсировала Анахата — зелёная сфера, сердце его силы. И Алиса почувствовала: ритм сбит. Не сильно, на долю удара, но достаточно, чтобы понять — с миром творится неладное.

— Собирайся, — сказал он. — Пойдём к дубу. Там что-то... прохунилось.

Когда они вышли на крыльцо, утренний воздух ударил в лицо — и Артём сразу понял, что «прохунилось» — не то слово. Пространство над старым дубом дрожало, как воздух над раскалённым асфальтом, но вместо тепла оттуда тянуло могильным холодом. Это была ещё не Прореха — только её предвестие, так называемый «эфирный рубец», который Артём видел однажды в Набха-локе, когда Вритра пытался прорвать ткань реальности. Только тогда рубец был размером с ладонь, а теперь — с добрый стол.

Листья дуба, всегда зелёные даже в октябре, начали сереть с краёв. Артём подошёл, приложил ладонь к коре — и отдёргнул: дерево молчало. Впервые за пять лет дуб не ответил ему ни теплом, ни током соков, ни даже слабым гулом корней. Словно из него вынули душу, оставив только форму.

— Оно пустое, — прошептал Артём, и Алиса увидела, как его пальцы побелели, сжимаясь в кулак. — Там, внутри — ни звука. Как будто кто-то высосал всё, что делало его живым.

И в этот миг воздух над дубом лопнул.

Это случилось беззвучно, но все, кто находился в радиусе мили от Ольховки, ощутили толчок — не физический, а какой-то душевный, словно внутри оборвалась струна. Над садом разверзлась Прореха: идеально круглое, с рваными краями окно в никуда. Из него не хлынула тьма — тьма была бы милосерднее. Из него хлынуло *отсутствие*. Отсутствие цвета, звука, запаха, даже самого понятия «здесь». Глаз отказывался фокусироваться на этом провале, мозг — осмыслить, душа — принять.

А потом из Прорехи вышло существо.

Впоследствии, вспоминая этот миг, Артём не мог подобрать слов. Оно походило на статую, изваянную из абсолютного нуля — температуры, при которой останавливаются атомы. Очертаниями — гуманоид, но лишённый лица, жестов, даже тени. Оно не шло — оно *смещалось*, оставляя за собой полосу серого, безжизненного пространства. Трава, которой касалась эта полоса, не увядала — она просто переставала существовать, словно её вычёркивали из бытия.

— Глас Безмолвия, — выдохнул Артём, и его голос дрогнул. — Чхая рассказывала... слуги Хаоса, что были до Слова. Они не убивают. Они стирают. Им не нужна победа — им нужно, чтобы ничего не было.

Алиса, не раздумывая, выбросила вперёд руку с кистью — той самой, которую всегда носила с собой, заряженную на случай экстренной визуализации. Воздух перед ней сгустился, превращаясь в невидимый холст, и она нанесла первый мазок — золотой, сияющий, вобравший в себя свет её Анахаты. Но краска, едва коснувшись границы Прорехи, пожухла, посерела и осыпалась пеплом.

— Свет не держится, — прошептала она, и в её глазах Артём увидел то, чего не видел никогда — страх, лишённый надежды. — Оно... оно ест свет, Артём.

Первыми прибежали ученики. Те, кто жил в Ольховке постоянно: Анна Степановна, почуявшая беду ещё затемно, когда её старый амулет из дымчатого кварца пошёл трещинами; Михаил, бывший священник, а ныне наставник по работе с сердечной сферой; Елена, исцелившаяся от боли развода и теперь преподававшая «Искусство любви к себе»; Георгий, победивший бессонницу и ставший главным специалистом по Вишудхе; Павел Андреевич, полковник в отставке, чья воля была крепче уральского гранита. Они выстроились полукругом за спинами Артёма и Алисы, и каждый уже держал в руке свой личный камень — тот самый, с которого когда-то началось их исцеление.

— Круг Семи! — скомандовал Артём, и голос его зазвенел, как в тот день, когда он впервые принял бой с Хранителями Граней. — Заземление через Муладхару, щиты на Анахате, связь через Вишудху. Работаем как единый организм!

Он не объяснял деталей — они и так знали. Годы школы самоисцеления не прошли даром: каждый из учеников понимал свою роль в этом живом оркестре. Екатерина, исцелившаяся от гипертонии, первой опустилась на колени и прижала ладони к земле, активируя Муладхару. Её рубин, нагреваясь от прилива крови, запульсировал алым, и этот пульс пошёл по корням трав, по мицелию грибов, по подземным водам — заземляя страх, превращая его в устойчивость. Георгий, чья Вишудха когда-то была заблокирована ложью самому себе, запел низким, вибрирующим звуком — не мелодию, а чистую ноту «соль», соответствующую горловой сфере. Михаил развернул Анахату так широко, что его грудная клетка засветилась зелёным сквозь одежду, и этот свет потёк к Алисе, питая её ослабевшую кисть.

— Людмила! — позвал Артём, и женщина, победившая диабет, выступила вперёд, сжимая в кулаке тигровый глаз. — Держи центр. Манипура, волевой посыл. Представь, что мы — купол. Ни один луч хаоса не пройдёт.

— Я не представляю, — спокойно ответила Людмила, и в её голосе прозвучала та особая сталь, которая приходит только после победы над собственной смертью. — Я *знаю*. Купол стоит. Я его вижу.

И она говорила правду. Над садом, над дубом, над Прорехой начало формироваться свечение — сперва слабое, дрожащее, но с каждым ударом сердца семерых учеников всё более плотное. Семь цветов радуги сплетались в полусферу, и Глас Безмолвия, шагнувший было к крыльцу, натолкнулся на неё, как на стену.

Он не отступил. Он замер. И впервые за всё время издал звук — даже не звук, а антизвук, волну, которая не ударила по ушам, а всосалась в них, оставляя звенящую пустоту. Купол дрогнул. Екатерина вскрикнула — её рубин потускнел, пошёл трещинами. Георгий сорвал голос и закашлялся кровью.

— Держать! — рявкнул Павел Андреевич, и его Манипура вспыхнула таким яростным золотом, что на мгновение затмила даже свет Алисиной кисти. Старый полковник не умел медитировать красиво, но он умел стоять. — Вспомните, сукины дети, ради чего вы выжили! Вспомните и держите!

И они вспомнили. Каждый — своё. Екатерина — то утро, когда впервые за десять лет проснулась без головной боли. Георгий — первую ночь, когда уснул без снотворного, просто доверившись своему дыханию. Людмила — вкус яблока, которое можно было съесть, не считая хлебные единицы. Михаил — момент, когда молитва перестала быть ритуалом и стала разговором. Эти воспоминания, эти капли прожитой и исцелённой боли превратились в топливо. Купол вспыхнул с новой силой, и Глас Безмолвия, впервые за эоны своего существования, отпрянул.

— А теперь — мой черёд, — тихо сказал Артём и закрыл глаза.

Он вошёл в состояние «Слияние Семи» — технику, которую разработал сам после возвращения из Бездны Вритры. Технику, которую ещё ни разу не применял в реальном бою, только тренировал с Такшакой в подземных чертогах Шамбалы. Суть её была проста и смертельно опасна: на короткое время все семь сфер перестают быть отдельными центрами и становятся единым каналом. Тело превращается в живой амулет, проводящий свет Сахасары напрямую в материю, минуя промежуточные ступени. Цена — полное истощение. Если не рассчитать дозу — можно выгореть дотла.

Но сейчас было не до расчётов.

Муладхара зажглась первой — красный сгусток у основания позвоночника, горячий, как магма. Свадхистхана — оранжевый вихрь в животе, всколыхнувший все эмоции разом: и страх за Алису, и ярость на тварь, и любовь, которая была сильнее и страха, и ярости. Манипура — золотой шар, заставивший мышцы запеть от напряжения. Анахата — зелёный луч, пронзивший грудь и соединивший его с каждым учеником, с каждым деревом в саду, с Алисой, чьё сердце билось в унисон его собственному. Вишудха — синий поток, разверзший горло беззвучным криком. Аджна — сапфировая звезда между бровей, открывшая ему истинную картину: он увидел Прореху не как дыру, а как «минус-пространство», как свёрнутую воронку, уходящую в измерения, где нет даже понятия «измерение». И наконец — Сахасара, фиолетово-белый венец, замкнувший цепь.

В этот миг Артём перестал быть человеком. Он стал мостом.

Свет хлынул из его короны и ударил в купол, пропитывая его такой силой, что радужная полусфера загудела, как гигантский колокол. Глас Безмолвия, уже изготовившийся для нового удара, был отброшен назад, к самой границе Прорехи. Его контур начал таять, как льдина на солнце — но «таять» было не то слово. Он *уменьшался*, сворачивался, словно реальность вокруг него восстанавливала свои права.

— Не уйдёт! — крикнула Алиса, и её голос прозвенел над садом. — Оно пытается просочиться обратно!

И действительно: Глас Безмолвия, потеряв форму, превратился в струйку серого тумана, которая змеей потянулась к Прорехе. Артём рванулся вперёд, но ноги не слушались — после Слияния тело было как ватное. Ещё секунда — и тварь уйдёт, залижет раны и вернётся с подкреплением.

И тут вперёд выступила Анна Степановна.

Старая фельдшерица, знавшая ещё бабушку Артёма, не обладала ни одной пробуждённой сферой в том смысле, в каком ими владели ученики. Она не умела метать файерболы и плести щиты из телепатической связи. Но она знала то, чего не знал никто из молодых: как бабки в её родной деревне закрывали «глумицы» — так в старину называли Прорехи, когда они изредка возникали над болотами и старыми капищами.

Не обращая внимания на опасность, Анна Степановна подошла к самой кромке поражённой земли и высыпала из холщового мешочка семь маленьких речных голышей — простых, серых, ничем не примечательных. Но каждый был заряжен семью молитвами, прочитанными на семи рассветах. Затем она перекрестила воздух перед собой — не истово, не суеверно, а так, как крестят внука перед дальней дорогой — и сказала негромко, но внятно:

— Чур, не я, чур, не моё, чур, место свято. Именем Семи Светов, замыкаю.

И случилось странное. Струйка серого тумана, уже готовая нырнуть в Прореху, замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду. Семь голышей вспыхнули — нет, не магическим огнём, а тем особым внутренним светом, каким светится речная вода на закате. И этот свет, сплетясь с остатками радужного купола, ударил по Прорехе, стягивая её края, как затягивают кисет. Глас Безмолвия взвизгнул — и этот визг был не звуком, а ударом по нервам, — и исчез вместе с Прорехой.

Над садом снова светило солнце. Обычное, живое, тёплое. Дуб стоял серый, полумёртвый, но от корней уже тянулся слабый зелёный пульс — Анахата дерева оживала.

Артём рухнул на колени, хватая ртом воздух. Алиса подбежала, прижала его голову к груди, и он услышал, как бьётся её сердце — самый прекрасный звук во вселенной.

— Анна Степановна, — прошептал он, когда к нему вернулась способность говорить. — Откуда... откуда вы знали?

Старуха пожала плечами, подбирая с земли погасшие голыши.

— Дак бабка твоя научила, — сказала она буднично. — Ещё когда ты под стол пешком ходил. Мария Васильевна всё знала наперёд. Говорила: «Придёт день, когда карты кончатся, и тогда вспомни про глумицы, Настёна». Я, грешным делом, думала — сказки. А оно вон как вышло.

Артём переглянулся с Алисой. Бабушка. Опять бабушка. Словно из-за грани миров она продолжала вести их, оставляя подсказки, как камешки на лесной тропе.

— Всем отдыхать, — скомандовал он, поднимаясь с помощью Алисы. — Через час — общий сбор в саду. Нам нужно понять, что это было. И подготовиться к тому, что будет дальше. Потому что одна Прореха — это только начало.

После того как ученики разошлись — кто в дом за горячим чаем, кто к дубу, чтобы помочь дереву восстановиться, — Артём и Алиса остались на крыльце вдвоём. Солнце уже поднялось высоко, но тени всё ещё лежали серые, будто мир не до конца поверил в своё спасение.

— У тебя была седая прядь, — тихо сказала Алиса, касаясь его виска. — Во время Сли-яния. Прямо на глазах поседела. А теперь снова тёмная.

— Сахасрара, — ответил Артём. — Когда пропускаешь через себя столько света, тело не всегда успевает. Но оно восстанавливается. Главное — что ты цела.

— Я не про тело, — Алиса покачала головой. — Я про тебя. Ты снова готов сгореть, лишь бы спасти всех. Как тогда, в первой книге, когда чуть не убил того водителя. Как в Шамбале, когда отдал мне половину седьмой сферы. Когда ты научишься беречь себя?

— Когда ты научишься не рисовать картины, которые забирают у тебя по году жизни, — усмехнулся он. — Мы оба такие, Лиса. Мы — пламя. Но пока мы вместе, мы не сгораем. Мы греем.

Алиса прижалась к его плечу. Они сидели молча, глядя, как оживает дуб — листья медленно, нехотя возвращали себе цвет, от корней к кроне бежала едва заметная глазу зелёная искра.

— Мне сегодня приснилась твоя бабушка, — нарушила молчание Алиса. — Во сне. Она шла по краю карты — той самой, из твоего сна — и сажала яблоневого семени. А из семян вырастали не яблони, а звёзды. И она сказала мне... — Алиса нахмурилась, вспоминая. — Сказала: «Когда карта кончится, начнётся сад. Но сначала придётся пройти через места, которых нет на карте. И запомни, девочка: самое главное — не потерять друг друга по дороге. Потому что вдвоём вы — карта. А поодиночке — только точки на пустоте».

Артём долго молчал. Потом встал, подошёл к дубу и приложил ладонь к шершавой коре. На этот раз дерево ответило — слабым, но различимым теплом.

— Собирай всех, — сказал он. — Мы идём в Шамбалу.

Совет в Чертоге Мира собрался в рекордные сроки. Ригден Джапо, восседавший на троне из живого лазурита, выслушал рассказ Артёма не перебивая. Рядом с ним стояла Тара, чьё платье из лунного шёлка мерцало в такт дыханию, а за спинами Владык Шамбалы уже собирались союзники: Такшака в своих чешуйчатых доспехах, Адитья с Гарудами, Чхая, чьё лицо, сотканное из тысяч лиц, сейчас выражало глубокую тревогу, Архитектор Снов и Маара, элементали, Стражи Пробуждения, Сайленс, и многие другие.

Когда Артём закончил, Ригден Джапо поднял руку, и в центре зала развернулась иллюзия — огромная карта Земли, но не географическая, а эфирная. На ней пульсировали тысячи огоньков — точки Сети Света, созданной учениками за последние годы. И на этой же карте зияли семь чёрных провалов — места, где Сеть истончалась до разрыва.

— Это не просто Прорехи, — заговорил Ригден Джапо, и его голос звучал как гонг. — Это врата. Хаос, с которым вы столкнулись в саду, — лишь пена на гребне волны. Истинная угроза глубже. Изначальный Хаос, Первозданная Тишина, что была до Слова, пробуждается. Семь Печатей, наложенных на заре творения, слабеют. И с ними слабеют те, кто эти Печати держит.

— Первозданные Защитники, — прошептала Тара. — Семеро существ, которые согласились стать мостом между бытием и небытием. Их архетипы вы, люди, помните в мифах, хотя и исказили их до неузнаваемости. Змей, что держит землю на своей чешуе. Сирена, чей голос рождает приливы и отливы. Сфинкс, задающий вопросы вечности. Зелёный Человек, чьё дыхание — леса. Птица Зари, чьи перья — звуки. Единорог, чей рог пронзает иллюзии. И Симург, чьи крылья — звёздные туманности. Они спят в своих чертогах — в сакральных центрах вашего мира. И они умирают.

— Мы должны найти их, — сказал Артём. — И пробудить.

— Это путь, — кивнул Ригден Джапо. — Но не все в этом зале считают, что человечество достойно такого шанса.

Вперёд выступил молодой махатма по имени Дурьодхана — тот самый, что когда-то, во время войны с асурами, выступал за жёсткие меры. Его глаза горели холодным огнём убеждённости.

— Братья и сёстры! — он обвёл взглядом собрание. — Мы уже спасали этот мир. Мы бились с асурами, с Вритрой, с тёмной материей, с Архитектором Снов. И каждый раз ценой невероятных усилий мы восстанавливали равновесие, которое люди снова и снова разрушают. Они вырубают леса — и умирает Зелёный Человек. Они лгут и проклинают — и замолкает Птица Зари. Они убивают друг друга — и трескается сердце Симурга. Может быть, настало время признать: человечество — ошибка творения? Может быть, спасая Печати, мы лишь отсрочим неизбежное? Не лучше ли... — он запнулся, но закончил твёрдо: — ...дать Хаосу поглотить Землю и создать новый мир? Без людей.

В зале повисла тишина. Такая, что было слышно, как дышит Сайленс — тихим, хрипловатым звуком, оставшимся после того, как он отдал свой голос ради надежды.

Артём встал. Он не был мастером речей, но сейчас слова пришли сами — из самого сердца, из Анахаты, которая помнила каждое исцеление, каждую слезу благодарности, каждое «спасибо, доктор».

— Ты прав, — сказал он, глядя прямо в глаза Дурьодхане. — Люди разрушают. Люди лгут. Люди убивают. Но они же — и сажают сады. Они же — и поют колыбельные своим детям. Они же — и бросаются в огонь, чтобы вытащить незнакомца. И я видел это не в легендах, а в своей деревне. Я видел, как бывший бизнесмен, потерявший всё, рыдал от счастья, когда смог простить отца. Я видел, как женщина, которую муж бросил с двумя детьми, впервые за десять лет рассмеялась. Я видел, как старый полковник, прошедший ад войны, рисовал акварели и плакал, потому что научился чувствовать. Они — не ошибка. Они — незавершённый шедевр.

И если мы дадим им шанс, если мы поможем им удержать Печати, они допишут себя. Но для этого им нужен свет. Наш свет.

Он повернулся к Дурьодхане и добавил тише, но так, что слышали все:

— Когда-то я тоже хотел стереть. Водителя, который меня сбил. Хранителей Граней. Вритру. Но каждый раз, когда я выбирал не стирать, а исцелять, мир становился крепче. Я не знаю, что такое «ошибка творения». Но я знаю, что такое «чудо искупления». Позволь нам сотворить это чудо.

Дурьодхана долго смотрел на него. Потом опустил голову.

— Да будет так, — сказал Ригден Джапо. — Семеро Защитников. Семь Печатей. Семь миров сна. Путь начнётся с Корня. Со Змея Глубин, что спит в Уральских горах. Там, где камень помнит рождение Земли.

— Мы готовы, — сказал Артём. Алиса взяла его за руку.

Такшака, молчавший весь Совет, встал рядом. За его спиной развернулись капюшоны Нагов — живые изумруды их чешуи мерцали, как древние обеты. Синга, крылатый лев из лунного света, спустился с балки под сводом и положил голову на плечо Алисе. Терра-гном, появившийся из тени колонны, стукнул посохом о пол. Элементали закружились в воздухе весёлым хороводом.

— Тогда в путь, — улыбнулась Тара. — И да пребудет с вами Свет Семи Сфер.

«Самого главного глазами не увидишь — зорко одно лишь сердце. Но когда и сердце слепнет, остаётся ещё память земли, память камня, память корней. Слушайте их — и не заблудитесь даже там, где кончаются карты».

Антуан де Сент-Экзюпери — Мария Бажаник, маргиналии на полях «Маленького принца»

Так завершился первый день новой войны. Войны, в которой оружием должны были стать не мечи и заклинания, а любовь, память и умение слушать тишину.

А в Ольховке, над оживающим дубом, семь цветных колец сплелись в одно — белое, сияющее, готовое осветить дорогу туда, где кончаются карты и начинаются легенды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.